

АБХАЗСКАЯ ШКОЛА ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ПРИНЦИПАХ АБХАЗСКОГО ХРАМОСТРОЕНИЯ В IX–XIII ВВ.)

Д. К. Чачхалиа (г. Сухум)

Памяти проф. К. Н. Афанасьева

Наиболее ранние данные о внешнем облике абхазских храмов содержатся в реляциях и альбоме католического миссионера, художника и лекаря Христофора Каstellи. Этот источник, состоящий из разнохарактерных текстов и рисунков, можно, правда с осторожностью и избирательностью, использовать в исследованиях архитектурных памятников Абхазии. Автор был монахом и состоял в театинском ордене, который благословил его на длительную миссионерскую поездку в 1630-е гг. к берегам Кавказа. Миссионер Христофор Каstellи в течение своей поездки изучал заодно быт и нравы жителей Мингрелии, посещал соседние страны, в т.ч. Абхазию (Каstellи, 1977; Castelli, 1988; Pedone, 1988; Tamarati, 1910; Чачхалиа, 2000. С. 96–104).

Одним из первых просвещенных европейцев, профессионально присмотревшихся к архитектурным памятникам Абхазии, был путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ. Образованнейшего француза поразила «благородный и смелый» стиль Пицундского кафедрала, хотя памятник культуры предстал перед взором академика в запущенном и отчасти заросшем состоянии. В 1833 г. Монперэ оставил целый ряд зарисовок абхазских церквей, чертежей их планов. Эти материалы и по сей день сохраняют свою научную ценность. Побывав на Северном Кавказе в верховьях Кубани и увидев церковь на горе Шоана, автор признал, что «достаточно беглого взгляда, чтобы узнать в ней византийский стиль церковей Абхазии, а также особенности ее фресок. Нет сомнения, что христианство принесли из Абхазии по этому пути». Здесь же неподалеку ученый увидел надгробный каменный крест с датой 1013 г., обозначенной греческими буквами (Монпере, 1937. С. 153).

После Ф. Монперэ многие путешественники, среди которых были художники, историки, натуралисты, оставили немало свидетельств об обнаруженных ими памятниках древнего абхазского зодчества, однако, в силу различных обстоятельств, они оставляли описания храмов и крепостей, не анализируя их и не систематизируя по стилевым и строительным особенностям в контексте синхронных памятников других христианских стран византийского мира.

Спустя 40 лет после Ф. Монперэ уже русский ученый Н. Мурзакевич публикует в Одессе брошюру, полностью посвященную древностям Пицунды и ее прославленного храма. «Пицундский храм, – пишет автор, – носит печать благородного, смелого стиля, не имея ничего общего с грузинскими и армянскими церквями» (Мурзакевич, 1877. С. 10). Ученый, несомненно, имел в виду яркую индивидуальность ряда абхазских храмов IX–XI вв.

В своей книге о древнерусском зодчестве Чернигова историк и искусствовед Г. К. Лукомский, рассуждая о происхождении первоначальных форм древнерусского зодчества, впервые ясно указывает на их сходство с абхазскими храмами (Лукомский, 1912. С. 12). «Застроенные в ширину пятью-семью апсидами храмы Киева, Чернигова, Новгорода, по мысленной очистке всех позднейших апсид и наслоений <...> в плановом смысле вполне совпадают с памятниками абхазскими. С византийскими храмами второго периода сходство у них значительно меньшее». Далее он приводит ряд аргументов в подтверждение общих черт памятников древнерусского зодчества с абхазскими церквями (Там же). Развивая свои наблюдения, Г. К. Лукомский замечает, что «сходство с абхазскими церквями видно даже у новгородских соборов. Если в св. Софии, отбросив позднейшие наслоения, выделить древнейшие части, мы получим полное совпадение плана с абхазским приемом, например, в церкви Моквы». К похожему заключению приходит и Н. Покровский. Он отметил, что «план Софийского собора в Новгороде похож на Киевскую и содержит в себе план 3-апсидной церкви абхазского типа» (Покровский, 1916. С. 153).

1
2

Рис. 1. Храмы абхазской архитектурной школы. 1 – Пицундский патриарший храм (реконструирован в IX в.); 2 – Средний Зеленчукский храм, X в. (КЧР, РФ)

1

2

Рис. 2. Храмы абхазской архитектурной школы. 1 – Успенский храм в с. Лыхны (Гудаутский район, Республика Абхазия); 2 – Северный Зеленчукский храм (КЧР, РФ)

Возвращаясь к Г. К. Лукомскому, следует подчеркнуть, что именно он первым из исследователей отметил важную особенность абхазского зодчества этого времени – наличие, как правило, особых видов притворов-тамбуров с наружной части дверных проемов, что также сближает владимиристо-суздальские храмы с абхазскими (Лукомский, 1912. С. 19). Для наглядности этого заключения Г. К. Лукомский приводит чертежи нескольких русских и абхазских храмов, предлагая их сопоставить и признать очевидное. План пятинефного собора в с. Моква неожиданно показан с тремя притворами со всех сторон входов в храм. В настоящее время эти притворы у Моквского кафедрала не имеются. К этой особенности абхазского собора мы вернемся позже. Кстати, похожий чертеж, но с некоторыми разночтениями, можно встретить у И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1891. С. 67).

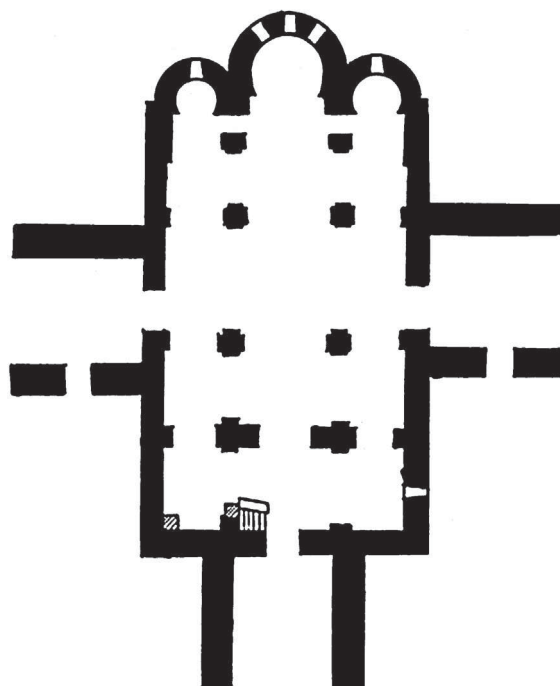

Рис. 3. План Успенского храма в с. Лыхны (Гудаутский район, Республика Абхазия)

Анализируя Спасский собор, построенный в Чернигове великим князем Мстиславом в первой половине XI в., Г. К. Лукомский замечает, что «по своему плану и замыслу Черниговский Спас ни коим образом не связан с константинопольским зодчеством, но имеет ближайшие аналогии в Абхазии и на Кубани» (имеются в виду храмы исторической Алании в верховьях рек Большой и Малый Зеленчук – Северный и Средний храмы в Нижнем Архызе, церкви на горе Шоана и на окраине аула Сенты – Д. Ч.).

Вскоре после Г. К. Лукомского о связи памятников русского зодчества с несколько опережающими их по времени строительству абхазскими храмами высказался Ф. И. Шмит. В своей статье «О Тмутаракани», полемизируя с коллегами, он пишет о том, что «Киевская св. София, заложенная еще в 1017 году, гораздо раньше появления Мстислава в Чернигове, тоже не может быть возведена ни к херсонесским, ни к константинопольским образцам, а только к тем же абхазским и кубанским, и тоже становится вполне понятной как звено не цареградской архитектуры, а кавказской» (Шмит, 1918. С. 5; 2013. С. 291). В подкрепление своих выводов Ф. И. Шмит обращает внимание на сообщение Киево-Печерского патерика, в котором описаны события XI в., когда в Киев были приглашены греки и абхазы («греци и обези») для росписи вновь возведенного Успенского собора Печерского монастыря. Это летописное сообщение ав-

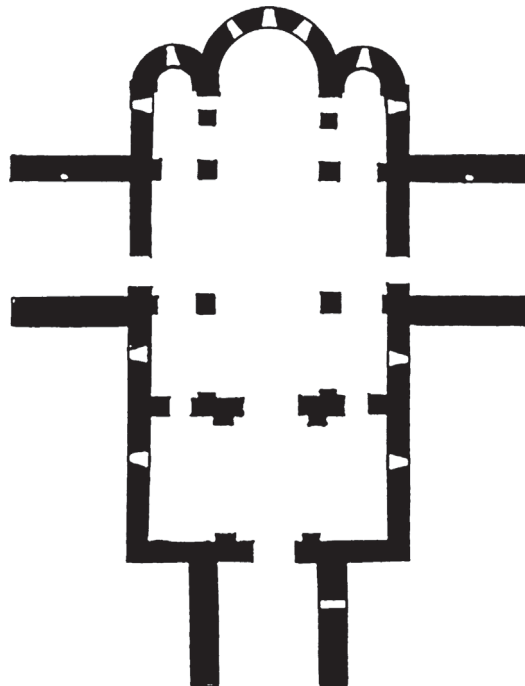

Рис. 4. План Северного Зеленчукского храма (КЧР, РФ)

тор приводит как непреложное доказательство различных связей Киевской Руси с Абхазским царством, в т.ч. в области храмостроения, обустройства и росписи церквей.

«Тут мы определенно можем указать, – пишет Ф. И. Шмит в книге «Искусство Древней Руси-Украины», – откуда пришло в Древнюю Русь христианское искусство и откуда, наверное, не пришло, но и убедиться, что это и есть наиболее краткий и наиболее естественный путь». И далее исследователь утверждает, что «не из далекого Константинополя выписывал Мстис-

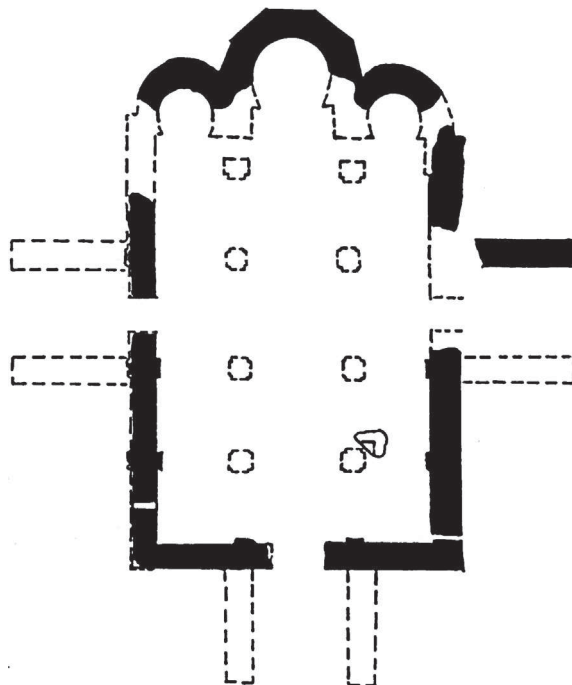

Рис. 5. План храма в пос. Лоо (Лазаревский район, Большой Сочи, РФ)

лав нужных ему зодчих, а от своих непосредственных кавказских соседей» (Шмит, 1919. С. 32). Среди совпадающих черт русского и абхазского церковного зодчества Ф. И. Шмит указывает на «базиликальный план при куполе на перекрестье главного нефа и трансепта, и вязь апсид, и перегороденные северные и южные подкупольные арки, и крестообразное сечение подкупольных столбов».

В книге «История хазар» М. И. Артамонов присоединяется к мнению о том, что христианство в Алании прочнее всего укореняется в ее пограничных с Абхазией областях, о чем можно судить по значительному числу церквей и монастырей X–XI вв. в верховьях Кубани, Теберды, Большого Зеленчука, Малого Зеленчука, ближе всего соответствующих одновременной архитектуре абхазского побережья (Артамонов, 1962. С. 363). При этом он ссылается на статью И. А. Владимировой «Древнехристианский храм близ аула Сенты» (Владимиров, 1902. С. 1–14).

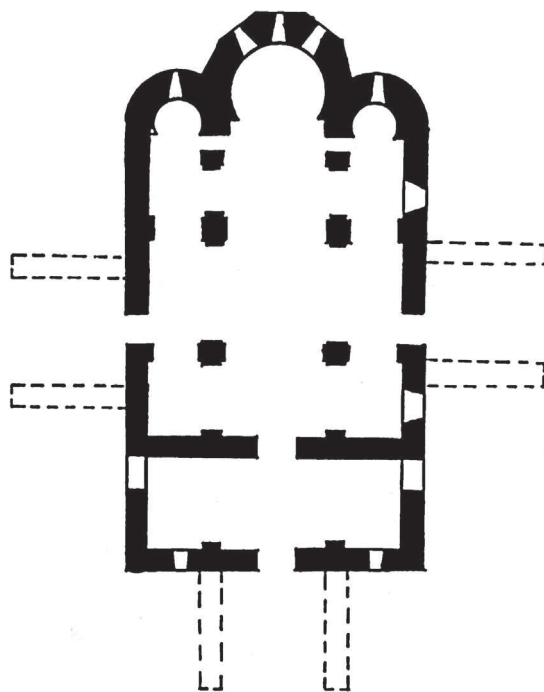

Рис. 6. План храма Симона Кананита (Новый Афон, Республика Абхазия)

Искусствовед Ш. Амиранашвили в своем труде «История грузинского искусства» признает за абхазской архитектурой IX–XI вв. черты самобытности и характеризует их. Он также отмечает характерную для абхазских купольных храмов очевидную вытянутость плана по линии З–В, выраженность наружу алтарной части в виде трех полукруглых или граненых апсид, заметное выдвигание вперед центральной апсиды по сравнению с боковыми (Амиранашвили, 1950. С. 153). В этой же книге Амиранашвили делает еще одно важное заключение, подчеркивая, что прогрессивный способ перехода от вершин подкупольных столбов к подкупольному кольцу не через тромпы, а через плавный переход, называемый парусом, – есть следствие абхазского влияния на архитектуру собственно Грузии. «Если говорить о влиянии византийской архитектуры на грузинскую, то приходится ограничиться лишь отдельными деталями. Например, вместо чистых тромп сперва употребляются переходные формы от тромп к парусу, а затем, несколько позднее, с XI в. доминирует уже чисто парусная система. Однако в этом факте вряд ли можно видеть непосредственное влияние византийской архитектуры на грузинскую: скорее это веянье, проникающее в грузинское зодчество через посредство абхазской архитектуры, в которой раньше, чем в других областях, наблюдается применение парусной системы (Там же. С. 154).

Другой грузинский искусствовед Л. Рчеулишвили после долгих и неубедительных попыток доказать, что купольные церкви Абхазии находятся в лоне общегрузинского храмостроения, признал-таки за абхазскими памятниками черты своеобразия, присущие определенной, в данном случае абхазской, архитектурной школе (Рчеулишвили, 1988. С. 61–66).

Известный исследователь кавказских древностей археолог В. А. Кузнецов в своей книге «Зодчество феодальной Алании» констатирует абхазский след в памятниках архитектуры, расположенных у верховий Кубани на Северном Кавказе и утверждает, что «абхазское влияние ясно чувствуется в некоторых памятниках церковного зодчества Алании X-го века» (Кузнецов, 1977. С. 13). Далее автор пишет о принадлежности известных храмов Абхазии, таких как Лыхненский, Бзыбский, Моквский, церковь в Новом Афоне и храмов древней Алании, расположенных в Архызе, Сенте и Шоане к одной архитектурной школе. При этом автор ссылается на неопубликованное исследование К. Н. Афанасьева «Типологический и пропорциональный анализ группы храмов Северного Кавказа», датированное 1958 г. Эта рукопись была опубликована В. А. Кузнецовым позднее – в сборнике «Новые материалы по археологии Центрального Кавказа», где в предисловии, также принадлежащем В. А. Кузнецову, дана высокая оценка исследованию профессора архитектуры (Новые материалы..., 1986. С. 5).

К. Н. Афанасьев отмечал, что его исследование по аланским и абхазским храмам было сопровождено лично им выполненными чертежами по его же обмерным данным, и сетовал, что по техническим причинам эти чертежи, якобы, не смогли опубликовать в сборнике научных трудов Северо-Осетинского института (Интервью, 2001). И все же тексты К. Н. Афанасьева были опубликованы и тем самым включены в научный оборот. Современные исследователи и будущие их коллеги получили доступ к весьма важным, «математически обоснованным» выводам ученого, который, на основе инженерных расчетов устанавливает генетическую связь храмов Карачаево-Черкессии (древней Алании) с синхронными памятниками Абхазии. Говоря о совпадении модульных размеров упомянутых храмов или их согласованных соотношениях, определяемых «золотым сечением», К. Н. Афанасьев заключает, что «это ясное, распространенное в архитектуре соотношение удовлетворяет самым придирчивым требованиям и устанавливает прямую связь между этими памятниками. Нет сомнений, что они <...> сооружены если не одним зодчим, то зодчими одной архитектурной школы» (Афанасьев, 1986. С. 109). Здесь же автор делает схожее и не менее уверенное заключение, подводя итог своим математическим изысканиям: «Очень важным выводом из проделанного анализа является утверждение о принадлежности Северного храма Н. Архыза к группе абхазских памятников архитектуры X-го века. Вывод этот надо считать совершенно неоспоримым. Основанием для него является не только типологическое тождество, но и совпадение модульного размера и ряда других важных размеров у Северного храма и абхазских церквей» (Там же. С. 108).

Результаты вышеуказанных сравнений привели К. Н. Афанасьева к заключению, что «своеобразная культурная экспансия Абхазского царства преодолела перевалы Кавказа и вышла в верховья Б. Зеленчука. В данном случае мы фиксируем то, что для нас несомненно, и не стремимся к далеко идущим, но сомнительным выводам. Мы не можем утверждать, что город, погребенный временем в Н. Архызе, был абхазским городом-крепостью, защищающим перевалы от кочевников Северного Кавказа» (Там же. С. 112). Что называется, комментарии излишни. Представляется, что профессор архитектуры предложил историкам, опираясь на очевидность культурной экспансии абхазов в верховья Кубани и исходя из нее, исследовать вопрос о возможном физическом присутствии абхазов в этом регионе в X в.

На абхазское влияние, причем не только культурное, но и политическое, косвенно указывают и письма константинопольского патриарха Николая Мистика к абхазскому царю Константину, а затем и к его сыну Георгию II. В них духовный лидер Византийской империи Николай Мистик, в частности, хвалит абхазских царей за их усердие в христианизации Алании. Пись-

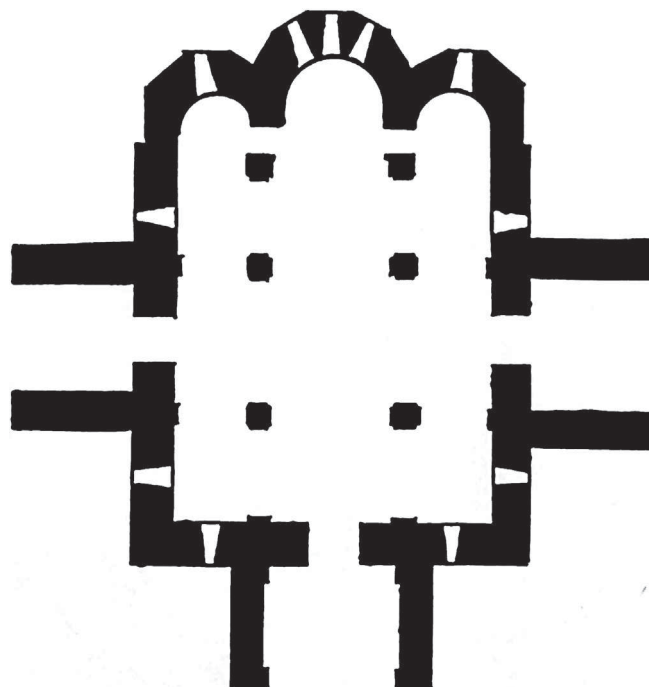

Рис. 7. План храма Инал-ныха (на р. Бзыбь, Гагрский район, Республика Абхазия)

ма датируются первой четвертью XI в., что вполне соответствует времени постройки верхнекубанской группы храмов древней Алании (Кулаковский, 1898. С. 4).

В интересующий нас период Абхазское царство действительно переживало экономический и культурный подъем. Его потенциал позволял не только удовлетворять свои собственные потребности в светском и культовом строительстве, но и отправлять своих мастеров и миссионеров в соседние христианские или тянущиеся к христианству страны. Именно такую ситуацию имел в виду академик Н. Я. Марр, когда утверждал, что «абхазский народ в лице его передовых слоев, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижником носителей христианского света и его проповедников в соседних странах» (Марр, 1937. С. 126).

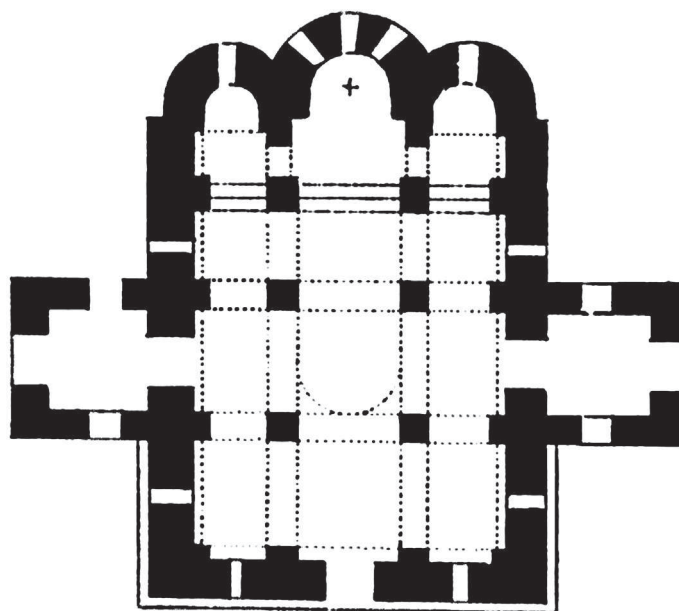

Рис. 8. План Шоанинского храма (КЧР, РФ)

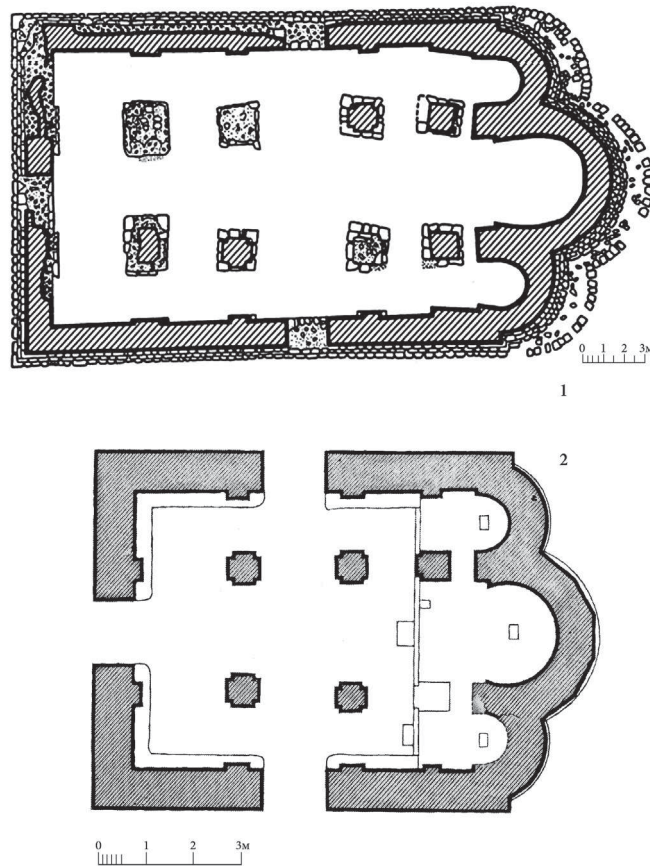

Рис. 9. Планы храмов абхазской архитектурной школы. 1 – храм Ахаш-ныха (пос. Алахадзы, Республика Абхазия); 2 – церковь в урочище Мсыгуха (с. Приморское, предместье г. Новый Афон, Республика Абхазия)

К тому времени, когда строились эти храмы, Абхазия уже более полутора веков вела войны то с Арабским халифатом, то с Ираном, то с турками-сельджуками, а еще позже – с татаро-монголами. Для абхазских царей, находившимся в таком агрессивном окружении, вопрос о христианизации алан был в высшей степени актуальным. Сражаясь с врагами на востоке страны, абхазы должны были быть уверены, что на них не нападут с севера. И потому нет ничего удивительного в усердии абхазов в вопросе христианизации алан. Обращение алан в христианство означало практически обращение их в союзников абхазского государства, что, собственно, и произошло позже. Сам боевой дух абхазской армии и народа поддерживался идеей спасения православия перед лицом напористых исламских соседей, которые под знаменами войны с неверными вели успешные войны за гегемонию на довольно обширных пространствах Кавказа и Анатолии. Крайней религиозной ожесточенностью объясняются и религиозно пристрастные титулы абхазских царей багратидской династии, где можно было встретить такие эпитеты венценосных династов, как «солнце христианства», «меч Мессии».

В 806 г. царь Леон II отстроил Кутаис (Кутещ – абх.) и перенес туда столицу Абхазского царства (Багратиони, 1988. С. 129). С тех пор основные военные события происходили на восточных рубежах царства. Внутренние области Абхазии благоустраивались и застраивались. При последующих царях в X–XI вв. началось интенсивное строительство храмов интересующей нас группы. Именно в этот период были сооружены храмы в Лоо, в Адлере (с. Веселое), на Бзыби, в с. Алахадзы, в Лыхны, в пос. Мсыгуха, в Анакопии (Новый Афон, храм Симона Кананита), Моквский собор, затем храмы в Алании – в Нижнем Архызе, на Шоане, в Сентах.

В более позднее время – это Гелатский монастырский собор и Метехский храм на обрывистом берегу Куры в центре современного Тбилиси. Последние два храма при всех разночтениях следует отнести к храмам абхазской школы, хотя бы из-за их принадлежности к трехнефной и трехапсидной композиции и характера восточных фасадов, возведенных в виде трех выступающих полукруглых абсид.

Схожесть с памятниками абхазской школы обнаруживают некоторые храмы Болгарии. К ним относятся, прежде всего, трехнефные трехапсидные постройки: церковь № 1 в местности Аврадака, а также церковь № 1 в местности Бял Бряг Великого Преслава. Безусловно, следует упомянуть пятинефный храм, называемый Долната Церква, также в Великом Преславе. Исследователи находят в нем сходство с кафедральным собором в абхазском селении Моква (Чанева-Дечевска, 1984. С. 81, 85, 123).

Крайне важным, хотя в какой-то степени и ожидаемым, было недавнее открытие в г. Адлер (Большой Сочи) основания храма абхазского типа. В результате раскопок в с. Веселое был обнаружен трехнефный, трехапсидный, трехпритворный купольный храм с нартексом. Авторы публикации замечают, что синхронные храмы абхазской школы (особенно храм в Лыхны), в т. ч. и вновь открытые руины – «это произведения не просто одной архитектурной школы, но одного ее направления, едва ли не одной строительной артели». Завершается характеристика открытого памятника выводом о том, что «храм в Веселом – <...> памятник архитектуры византийского круга IX–X вв., созданный в традиции абхазской школы» (Армарчук и др., 2012. С. 78–90).

С тех пор, как исследователями стало отмечаться своеобразие абхазских храмов, а также их отличие от архитектуры соседних стран и внутренних областей Византии прошло 150 лет. Достаточно, даже слишком, для установления очевидного – вывода о существовании абхазской архитектурной школы. Теперь с гораздо меньшим риском погрешить против истины можно признать существование у абхазов национальной архитектурной школы в IX–XIII вв., которая воздвигала церкви и соборы не только в Абхазии, но и на Северном Кавказе, в Алании, принимала участие в строительстве и обустройстве храмов новокрещенной и единой Руси.

К храмам **абхазской архитектурной школы, абхазского национального стиля** относятся следующие культовые сооружения (с запада на восток по берегу Черного моря и далее) (рис. 1–10): храм в Лоо (Большой Сочи, РФ) (рис. 5); храм Геч-ныха (Большой Сочи, РФ) (рис. 10); храм Инал-ныха (на р. Бзыбь, Республика Абхазия) (рис. 7); храм Ахаш-ныха (с. Алахадзы, Республика Абхазия) (рис. 9, 1); Пицундский патриарший кафедральный собор (рис. 1, 1); Лыхненский Успенский храм (с. Лыхны, Республика Абхазия) (рис. 2, 1; 3); храм Мсыгуха (Новый Афон, Республика Абхазия) (рис. 9, 2); храм Симона Кананита (Новый Афон, Республика Аб-

хазия) (рис. 6); Моквский собор (с. Моква, Очамчирский район, Республика Абхазия); Гелатский храм (близ г. Кутаиси, Республика Грузия); Метехский храм, XIII в. (г. Тбилиси, Республика Грузия); Северный храм в Нижнем Архызе (КЧР, РФ) (рис. 2, 2; 4); Средний храм в Нижнем Архызе (КЧР, РФ) (рис. 1, 2); храм у аула Шоана (КЧР, РФ) (рис. 8); храм у аула Сенты (КЧР, РФ).

Храмы Киевской Руси, особенно пятинефные Софийские соборы Киева, Новгорода, Полоцка (из трехнефных – Спасский собор в Чернигове) не могут быть отнесены к памятникам абхазской школы, хотя вполне возможно говорить о наличии здесь влияния абхазского стиля и абхазского опыта построения архитектурных форм.

Праматерью абхазских церквей следует считать главный собор абхазских католиков – Пицундский храм. Здесь восседал абхазский патриарх Иоанн, который в середине VIII в. поставлением собора Антиохийского патриархата был рукоположен в католиков, и его преемники. На том же соборе была провозглашена независимость (автокефалия) Абхазской церкви (Жузе, 1905. С. 9–10). Этот храм был построен в середине VI в. и первоначально являлся базиликой. Затем, не позднее конца IX в., он был перестроен в купольный храм (Якобсон, 1972. С. 45). Исследователь датирует перестройку Пицундского храма XI в. Мы не разделяем эту дату в силу наличия в уже обновленном здании тромпов, а не парусов. Эта черта – применение тромпов – не характерна для храмов абхазского стиля, и вообще нам не известно ни одного храма в Абхазском царстве от Анапы до Кутаиса и дальше до Сурамского хребта, где был бы применен троп при переходе от вертикальных частей здания к горизонтальным. С начала X в. в Абхазии, прежде чем в других частях Кавказа, уже применялась парусная система. А в Пицундском соборе (в его перестроенном виде) были использованы в завершении подкупольных столбов и при их переходе к подкупольному кольцу пока еще тропы, пусть и не столь глубокие, не так сильно выраженные, но – тропы. А это показатель архаики и является хотя и не исчерпывающим, но достоверным датирующим фактором. Именно этот большой храм при трех кораблях с величественным куполом на перекрестье центрального нефа и транспта, трехнефный с широким нартексом и тремя полукруглыми апсидами восточного фасада и стал законодателем последующего церковного зодчества Абхазии.

Пицундский храм явился образцом гармонии и лаконичности, простоты и величия, которым абхазская архитектурная школа была привержена на протяжении всех трех столетий своего существования. Это был главный храм страны, он был обожаем верующими, в т.ч. новыми поколениями зодчих. Пицундский собор стал эталоном соразмерности и гармонии, вектором в развитии эстетики, в определении стиля и вкуса национальной элиты. Он не мог не стать предметом для подражания, темой новых и новых интерпретаций.

Таким образом, **главными чертами, присущими храмам абхазской школы**, являются: 1) вытянутость плана по оси З–В, т.е. базиликальность плана; 2) трехнефность, причем средний неф заметно длиннее боковых и несколько выше; 3) трехапсидное, выпуклое снаружи решение восточного фасада, при выдвинутой центральной апсиде, что является наиболее выразительной частью абхазских храмов; 4) расположение купола на перекрестье центрального нефа и транспта, создающее в плане крестово-купольную композицию со смещенным к востоку куполом; 5) наличие, как правило, нартекса; 6) небольшой и нетяжелый купол, когда барабан купола имеет сторону, равную диаметру барабана; 7) шатровое, причем невысокое, перекрытие купола; 8) восьмистолпие (преимущественно) с характерной дополнительной парой столбов между подкупольным квадратом и алтарем; 9) незначительный перепад по высоте между центральным и боковыми нефами или центральным двускатным перекрытием главного нефа и односкатными боковыми; 10) парусная система перехода от подкупольных столбов к основанию барабана купола; 11) применение в кладке церквей этого периода полых керамических ящиков квадратной формы, предположительно, для сейсмоустойчивости (Хрушкова, 2002. С. 130–133); 12) постановка наружных стен здания на ступенчатый цоколь; 13) наличие

притворов у всех трех входов в церковь – наиболее яркая и устойчивая черта храмов абхазской школы, являющейся неотъемлемой частью всей композиции храма. Притворы содействуют гармонизации всех частей храма, превращая его в единую, взаимосогласованную объемно-пространственную композицию.

В некоторых памятниках абхазской школы встречаются несоответствия установленным принципам, но они, как правило, имеют свои причины и чаще всего представляют собой вынужденные отступления.

Обратимся к единственному не только в Абхазии, но и на всем Кавказе сохранившемуся пятинефному крестовокупольному храму в Мокве. Этот усложненного плана собор дошел до нас в относительно сохранным виде. Моквский кафедрал, безусловно, венец абхазской архитектурной мысли, высшее достижение национального храмового строительства. Собор был построен в середине X в. по повелению абхазского царя Леона III и стал усыпальницей своего благодетеля. Даже при добавленных двух нефов, хорах по всей длине крайних нефов, безусловно, усложнивших композицию строения, храм сохранил практически все особенности абхазской школы: базиликальность, восьмистолпие, устройство алтаря, наружную выпуклость апсид, а главное – наличие все тех же трех притворов, столь характерных для эстетики абхазского храмостроения (Чачхалиа, 1987. С. 9). О наличии этих притворов в Моквском храме ничего не говорили исследователи, поскольку их не было в наличии. Но эти притворы все-таки показаны в работе И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1891), а также приведены также в упомянутой книге Г. К. Лукомского (Лукомский, 1912. С. 29). Вероятно, эти притворы были убраны в процессе реставрации храма, произведенной в середине XIX в. владельцем Абхазии Михаилом Чачба (Афанасьев, Чачхалиа, 1997. С. 77). Аналогичная судьба постигла и храм Симона Кананита, который также утратил свои притворы после восстановления в 1880-х гг. В 1986 г. в результате археологических исследований, произведенных Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажба, были раскопаны основания всех трех притворов, имевшихся у Моквского храма до середины XIX в. (Воронов, Бгажба, 1986).

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что словосочетания «абхазская архитектура», «абхазское церковное зодчество», «абхазская архитектурная школа», «абхазская школа византийской архитектуры» уже переходят в разряд научно обоснованных понятий и используются в искусствоведении. А исследования христианских церквей Абхазии, обобщающие опыт более чем 150-летнего изучения этих памятников, становятся не только отраслью абхазоведения, но и составной частью мировой культурологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. М. 1950. Т. I.
- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В.* Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3.
- Артамонов М. И.* История хазар. Л. 1962.
- Афанасьев К. Н.* Типологический и пропорциональный анализ верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по истории Центрального Кавказа. Орджоникидзе. 1986.
- Афанасьев К. Н., Чачхалиа Д. К.* Моквский кафедрал // Д. К. Чачхалиа. Абхазская Православная церковь. Хроника. Прибавления. М. 1997.
- Багратиони Вахушти.* История Грузии // [Амичба Г. А.] Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси. 1988.
- Владимиров И. А.* Древнехристианский храм близ аула Сенты // Известия ИАК. СПб. 1902. Вып. 4.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Моквский собор – открытия, проблемы // Советская Абхазия. 18 июля 1986 г.
- Монпере Фредерик Дюбуа де.* Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. Сухуми. 1937 (Тр. института абхазской культуры. Вып. VI. Свидетельства иностранцев об Абхазии).

- Жузе П.* Грузия в XVII столетии по изображению Патриарха Макария. Казань. 1905.
- Интервью*, взятое у К. Н. Афанасьева 12 декабря 2001 г. Видеосъемка Марии Чачхалиа // Личный архив Д. К. Чачхалиа.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб. 1891.
- Кастелли Христофоро.* Альбом зарисовок и реляции / Пер. и коммент. Б. Гиоргадзе. Тбилиси. 1977 (на груз. яз.).
- Кулаковский Ю.* Христианство у алан // Византийский временник. СПб. 1898. Т. V.
- Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе. 1977.
- Лукомский Г. К.* О древне-русском зодчестве Чернигова. СПб. 1912.
- Марр Н. Я.* О языке и истории абхазов. М.; Л. 1937.
- Мурзакевич Н.* Древнейший Пицундский Православный храм на восточном берегу Черного моря. Одесса. 1877.
- Новые материалы* по истории Центрального Кавказа. Орджоникидзе. 1986.
- Покровский Н. В.* Церковная археология. Петроград. 1916.
- Рчеулишвили Л. Д.* Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси. 1988.
- Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М. 2002.
- Чанева-Дечевска Н. П.* Църковната архитектура на първата Българска Държава. София. 1984.
- Чачхалиа Д. К.* Трехпритворная композиция храмов абхазской архитектурной школы X–XI вв. // Личный архив Чачхалиа Д.К., машинопись, 1987 г.
- Чачхалиа Д. К.* Абхазия в зарисовках Кастелли // Д. К. Чачхалиа. Хроника Абхазских царей. М. 2000.
- Шмит Ф. И.* О Тмутаракани // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1918. № 54.
- Шмит Ф. И.* Искусство Древней Руси-Украины. Харьков. 1919.
- Шмит Ф. И.* Избранное. СПб. 2013.
- Якобсон А. А.* О дате Большого храма в Пицунде // КСИА. 1972. Вып. 132.
- Castelli Cristoforo.* Palermo. 1988 (ротапринтное издание альбома зарисовок и реляций).
- Tamarati Michel.* L'Eglise géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome. 1910.
- Pedone S.* Cristoforo Castelli: da Palermo alla Georgia // Castelli Cristoforo. Palermo. 1988 (ротапринтное издание альбома зарисовок и реляций).
- Из кн. Третья Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю. Н. Воронова. Сухум. 2013. С. 301-314.